

ОЖИДАНИЕ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

ПЕРЕЖИДАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП ОЖИДАНИЯ

А. А. Петренко-Лысак

Разнообразие социальных практик пополнилось ожиданиями как ситуациями простоя. Пребывая в состоянии перемещения, современные индивиды сталкиваются с необходимостью заполнить свое время, пребывая в пространстве мобильности: в транспорте, в очереди, в транзитных зонах и т.д. Имеет место необходимость переждать некоторое время и переместиться в нужное пространство. Современные формы заполнения хронотопа переживания определены современными телекоммуникационными портативными средствами: мобильными телефонами, смартфонами, нетбуками, планшетами, музыкальными плеерами и т.п. гаджетами. Пережидая, индивид углубляется в чтение, прослушивание аудио-файлов, просмотр видео, в электронные игры, в планирование своей дальнейшей занятости, разговор по телефону и т.д., в зависимости от возможностей гаджета, коммуникативных сетей и потребности индивида. Проявляет себя парадокс мобильности: простой в движении, требующий от индивида определить для себя импонирующий ему вид практик. Что это будут за практики, почему именно они, какова социальная перспектива приобщения и привыкания к ним?

Ключевые слова: переживание, ожидание, хронотоп, мобильность.

Мобильность и скука

Общество XXI века функционально процессами не только вертикальных, но и горизонтальных мобильностей. Дж. Урри, обращая внимание на особенности современных подвижностей, заметил важность обновленного понимания перемещений в социальном пространстве не только людей (субъектов-индивидов, групп), но и вещей (объектов), идей, данных и образов (информации). Новая парадигма мобильности предлагает понимать общество как пространство перемещений, изменчивости и нескончаемых потоков в многополюсных пространствах сетей (взаимосвязей)

*Об авторе:
Петренко-Лысак Алла
Александровна*

*канд. социол. наук, доцент
кафедры отраслевой
социологии факультета
социологии Киевского
национального
университета имени
Тараса Шевченко, Украина,
Киев.*

*Адрес для переписки:
ул. Александра Архипенко,
5а, кв. 292, 04210, г. Киев,
Украина.*

E-mail: alla_pl@ukr.net

[Урри 2012; Урри 2012]. Современная мобильность не только создает, но и меняет социальное пространство: проблема выбора, двигаться или нет, в современном обществе рудиментарна, на ее место встал вопрос резона, ценности и цены движения.

Все более заметным становится распространение так называемых стационарных «причалов», пунктирующих потоки (Дж. Урри) – ситуаций вынужденной остановки в процессе перемещения, породивших своеобразный парадокс мобильности – формат мобильного простаивания, когда основной формой деятельности становится ожидающая. Особой формой ситуаций ожидания становится практика пережидания в течение мобильности. Пребывая в автомобильном заторе, индивид, пережидаящий, с одной стороны, мобилен, он находится в процессе перемещения из одной точки в другую, он часть движения, но при этом он стационарен – он простаивает в движении. Чем он занимается в этот момент, какова его практика? Или пассажир транспортного средства (от автомобиля до самолета) перемещается в физико-географическом пространстве, но относительно салона/вагона он стационарен (не неподвижен, т. к. может в той или иной степени передвигаться в радиусе пространства возможностей). Каковы его практики в процессе ожидания прибытия в нужную точку? Сидя в очереди, ожидая кого-то на встречу, пребывая в транзитных зонах аэропортов – чем занят человек в ситуации ожидания события в процессе и месте перемещения к нему? Или же такой несколько странный вопрос: что делает индивид, когда он как будто ничего не делает? Что это за пространство-время «между», в котором он находится? Можно ли обозначить и описать его практики или состояния ожидания как периоды экзистенциальных пустот или скуки? Экзистенциальная пустота хронотопа ожидания, исходя из пространства пустоты как неясности и неопределенности, сформировала практики заполнения пустоты – произвольных решений к действию, либо как предельно целесообразных практик, либо довольствования прозаическим созерцанием окружения, либо размышлениями на трепещущую сознание индивида тему.

Предметом нашего внимания в данной статье выступает практика ожидания как пережидания, а именно, заполнения индивидом своего времени в момент пребывания в транзитном пространстве вместо безделья неким осмысленным делом, условно целесообразной практикой.

Ситуация, которая может быть описана действием «пережидать», являет собой некий транзитный момент времени, когда индивид находится в пограничной ситуации перехода из одной ситуации, места, события, действий в другую. Это течение времени пребывания индивида между наступлением или окончанием чего-либо, своеобразное единство начала окончания и окончания начала. Переждать – значит запастись терпением, найти способ не заскучать, бессмысленно провести промежуток времени в определенном месте. Пережидание включает в себя и само ожидание как готовность к наступлению, появлению, получению чего-либо. Если ожиданию сопричастна надежда, то пережидание обозначено уверенностью в обретении чего-либо спустя некоторое, как правило, определенное время. Пережидая, индивид распределяет отведенное на

ожидание время и заполняет его теми или иными практиками (причем безделье также можно отнести к определенной деятельности, например, томлению, скуке).

М. Хайдеггер, размышляя о скуке, определял ее как признак современности и предполагал, что бывает она трех видов: в первом случае это скука от переживания, необходимости ожидать (представлена она такими действиями, как бесцельное блуждание, бестолковое чтение, разглядывание без интереса; индивид понимает и признает, открывает опыт чистого времени, его длительности, которая может быть пустой, ничем не заполненной, во втором случае – это ситуация времени, потраченного впустую во внешне насыщенном событиями пространстве (индивид «проваливается» в скуку, ощущая отсутствие интереса к происходящему, время не захватывает его, но проваливает в бездну), и третий вид скуки – тотальная (в скуке нет героя, индивида, ее ощущающего, время и скука настолько сливаются, что не осознаются таковыми, т. к. нет субъекта их осознающего; это бесконечная, бессмысленная рутина и ее обыватель, некто ее тянущий; это состояние времени-как-длительности) [Хайдеггер 2003].

М. Кундера говорит о таких разновидностях скуки, как пассивная (страдания индивида от безынтересья) и активная (индивид предается любимым занятиям – хобби), и скука бунтующая (мятежная, протестная активность, бессмысленный вандализм) [Кундера 2003].

Л. Сведсен в своей работе «Философия скуки» [Сведсен 2003] обращается к типологии скуки, предложенной М. Дольманом, а именно: ситуативной скуке (томительно ожидающей), скуке разочарования (неоправдывающей ожидания), экзистенциальной (утрата содержательности бытия, бесцельность, замирание) и креативную (творческое времяпрепровождение).

Практические советы по заполнению скуки содержат такие советы, как сформировать позитивное отношение к каждому моменту жизни, заполнять время так называемого «простоя» каким-то осмысленным или интересным действием или даже деятельностью (размышлять, читать, осознанно рассматривать окружающий мир, заниматься рукоделием и т. д.). К примеру, Б. Хюбнер, как и М. Хайдеггер, считает скуку признаком модерности, ее ключевым культурным феноменом, экзистенциалом, присущим современному человеку. Он предлагает два варианта бегства от нее: эстетический и этический. Первый предполагает личные переживания, утешение собственного «Я» индивида, требует впечатлений и эмоций, оценивает действительность по степени оправдания ожиданий, а второй – это потребность ограничить эстетику, оправдать ее необходимость, это ее противоположность [Хюбнер 2006].

А. Беллебаум, исследуя феномен скуки в многообразии ее проявлений, считал, что социальная реальность в форме «тотальных институтов», которым присуща центральная организованность, контроль и всеохватность над режимом дня, часто проигрывает скуку как потерянное, зря прожитое время, которое желательно пережить, оставив позади, но при этом предлагает два варианта отношения к дальнейшему: либо как незаинтересованность в будущем, либо как чувство нетерпения.

Согласно Э. Макогон, которая выделяет тривиально-банальную и экзистенциально-метафизическую скуку [Макогон 1999], можно обозначить два ее вида: рутинную, бытовую, и экзистенциальную.

Итак, нудное, скучающее пребывание во времени и пространстве (хронотопе), будучи связанным с депроекцией индивидов и их замкнутостью на себе самих, на своих проблемах в момент простоя в движении, и есть та особенность современной социальной реальности (в частности, городской или путешествующей), которую мы хотим осмыслить, обнаружив практики, которые выступают в роли компенсаторов скуки, к примеру в использовании индивидами мобильных портативных гаджетов в ситуациях ситуативной скуки, рутины перемещения, пассивной ситуации переживания.

Хронотопы ожиданий

Рассматривая социальное пространство ожидания сквозь призму социального хронотопа, мы как бы локализуем его во времени и пространстве (месте). Время выступает в качестве четвертого и влиятельного измерения социального пространства, именно оно организует его, придает ему конкретный смысл. Соответственно, в организации социального пространства занимает особое место реальный социальный хронотоп переживания.

Современная техногенная цивилизация (постиндустриальное общество) характеризуется особым переживанием времени, ускоренным ритмом жизни и, как следствие, совершенно непохожей на другие эпохи организацией социального пространства. По предположению Ж. Бодрийяра, проблема социального пространства может перестать быть проблемой в силу краха социального вообще. В нашем случае концентрация индивида на собственных практиках, асоциальность пребывания в общественных местах вызывает социотехнологический интерес, где социальное пространство и социальное время станут основополагающими для их же технологизации. Социальный хронотоп выступает не просто категорией социального бытия в смысле описания его на духовно-теоретическом уровне, он является исходной схемой построения, конструирования обыденного поведения индивидов и их повседневных действий и взаимодействий.

По мере того, как портативные устройства превращаются из стационарно-локальных в мобильные, индивиды, ими владеющие, становятся неподвижными в движении (можно оперативно изменить место и время встречи, срочно прочитать текст, не посетив библиотеку или иное заведение, где он находится, выступить посредником передачи документа от одного человека другому, будучи при этом единовременно во взаимном отдаленном пространственном нахождении). Появилось новооформленное разнообразие практик, принесшее индивидам новый тип социального хронотопа ожидания.

А. Филиппов обращает внимание на появление особого класса ситуаций современной мобильности, которые могут быть названы «неподвижностью как следствием стремления к скорости». В своей статье

«Парадоксальная мобильность» он метко указывает на социальные ситуации, в которые попадают индивиды и переживают состояние именно переживания, а не ожидания. Он упоминает водителей и пассажиров транспорта, остановившегося в заторе, людей, ожидающих своего рейса или поезда в транзитных зонах вокзалов и аэропортов или томящихся во время пути. Ситуацию «остановки в движении» Филиппов приравнивает к пребыванию в «не-местах» (согласно термину, предложенному М. Оже). Это места, не содержащие в себе основ для осмысленного действия индивидов, туда попавших, они становятся исключенными из целеполагания и целесообразной деятельности, «которые если и возможны, то только как препровождение времени, а не как то, что диктуется логикой места» [Филиппов 2012]. Место с переживающим его индивидом теряет себя, уверенно приобретая статус «не-места» - пространства, лишённого смысла, без особого назначения, порождающее новые масштабы коммуникационных связей и перемещений в современном (постиндустриальном) обществе, а индивид одновременно воспроизводит практики невнимательности к своему непосредственному окружению, но в то же время концентрированность на том контенте гаджета, которым он увлечен в хронотопе переживания. Кроме профессионалов, которые в момент переживания могут выполнять свои действия по контролю за ситуацией переживания (водитель, диспетчер), остальные же (например, те же пассажиры) пребывают в практиках попыток заполнить время в ожидании прибытия из «не-места» на «место». В не-местах индивид не проживает жизнь, а присутствует в ней как аноним и одиночка, будучи предоставленным самому себе. Попадая в не-места не-событий, растрачивая ресурсы сознания в череде попыток заполнить «пустое время», индивиды демонстрируют практики заполнения времени достаточно простыми, односложными действиями, служащими «только суррогатами осмысленной деятельности ради заполнения времени» [Филиппов 2012]. Перемещение внимания в ожидающем поведении на прослушивание музыки, чтение, просмотр фото или видео привнесло в социопространственные практики индивидов изменение режима восприятия времени и пространства, в частности, городского. Происходит своего рода разрыв связи с конкретным местом, оно начинает мыслиться транзитно, как говорил Дж. Урри, - причалом, пунктирующим поток.

Филиппов отмечает, что «целесообразное действие свободного человека связано с пространством пребывания. Он ориентирует свои операции на окружающий мир в расчете добиться запланированного результата. Окружающий мир для него – это место, устройство которого ему понятно» [Филиппов 2012]. Но в не-местах, локусах, где индивид из-за перерывов в мобильности пребывает помимо своей воли, попадая в рутину ожидания, длительного и вынужденного пребывания «в ситуациях, предоставляющих немного возможностей осмысленного функционального действия за пределами простого ожидания» проявляет себя своего рода извращение «смысла свободы и мобильности», как замечает Филиппов [Филиппов 2012].

«Современная модель 'ожидания', возникшая в связи с технологическими требованиями, представляет собой совокупность действий и представлений, включающих социальный, пространственный, времен-

ной, коммуникативный, телесный и предметный коды, реализуемые в транзитных местах» [Гороховская 2001], где социальный – это право на нахождение в том или ином месте перемещения или ожидания, пространственный – семантизация индивидом места своего переживания, наделение его временным смыслом, временной связан с ощущением дискретности времени, телесный сопрячен вынужденной редукцией физиологических потребностей тела, коммуникационный связан с потоками информации, которые индивид вынужденно улавливает, пребывая в пространстве транзита, т.к. она связана с его дальнейшими действиями, является рекомендательно-осведомительной, и предметный – это тот набор вещей, которые сопровождают индивида в транзитном хронотопе (от багажа до мобильных портативных устройств).

Право на выбор

Практика переживания – ожидания – это момент (время) и пространство реализации свободного выбора индивида: что ему делать тогда, когда никто настоятельно не предлагает и не диктует ему вариантов, когда нет контроля над поведением. Свобода выбора – интересный момент, стоящий внимания и изучения: что именно предпочтет личность в момент вольного выбора своего освободившегося времени – времени рутинного простоя. Тип практики: глубокое, осмысленное чтение, планирование или легкое, незатейливое чтение, развлекательное видео или фото, игра в сложную или примитивную электронную игрушку, болтание с приятелем или рабочий обзвон коллег или клиентов, – все они являются существенными маркерами ценностных приоритетов или вынужденных актов поведения (важно эмпирически уточнять это различие). Эти практики можно отнести к нерелефлексивным индивидами. Например, подобные практики горожан, будучи повседневным опытом, не связаны со склонностью обращать на себя внимание, анализировать их, ввиду их в определенной степени автоматизма исполнения.

Отдельно стоит сказать о ситуациях ожидания в дальней дороге: от вокзалов и аэропортов (залов ожиданий, транзитных зон пересадок) до времени в пути, когда цель ожидания состоит в переходе к самой дороге/перемещению.

Среди практик переживания имеет место и коммуникационная составляющая, когда индивид начинает вступать в контакт со своими попутчиками или просто присутствующими с ним в одном пространстве переживания. «Это имеет социальные последствия: пассажир не образует никакой общности с теми, кто оказался его попутчиком», «совместность попутчиков предполагает лишь очень ограниченный репертуар возможных форм взаимодействия», и «коллективная мобильность пассажиров превращается в рутину пребывания между функционально значимыми местами, а время, отводимое в течение суток этой рутине, становится все более продолжительным» [Филиппов 2012].

Еще одним из вариантов отношения к хронотопу переживания и воплощения соответствующих практик – это отдых, своеобразный досуг, но не безделье. Время ожидания заполняется релаксом прослушивания любимой музыки, просмотра видео, игры в незатейливые компьютерные

игры, цифрового рисования или просмотра фотоальбомов из памяти смартфона, т. е. практиками, не требующими умственной нагрузки, сложных мыслительных процедур, рационального планирования и т. п. Таким образом, томительная скука ожидания компенсируется положительной эмоцией расслабления, покоя, передышки.

Как вывод, обозначим, что разнообразие социальных практик современности пополнилось обновленным заполнением ожиданий как ситуаций временного или пространственного простоя. Пребывая в состоянии перемещения, современные индивиды сталкиваются с необходимостью заполнить свое время, пребывая в пространстве мобильности: в транспорте, в очереди, в транзитных зонах и т.д. Индивиды все чаще оказываются в ситуациях переживания некоторого времени, чтобы переместиться в нужное пространство. Современные формы заполнения хронотопа переживания дополнены появлением современных телекоммуникационных портативных средств: мобильными телефонами, смартфонами, нетбуками, планшетами, музыкальными плеерами и т.п. гаджетами. Переживая, индивид углубляется в чтение (перебирая не один источник, что было невозможным ранее, т.к. носить с собой много печатных единиц является трудоемким), прослушивание аудио-файлов, просмотр видео, игру в электронные игры, в планирование своей дальнейшей занятости, в разговор по телефону и т.д. – в зависимости от возможностей гаджета, коммуникативных сетей и, что немаловажно отметить, потребностей самого индивида. Проявляет себя парадокс мобильности – «простоя в движении», который стимулирует индивида определить для себя импонирующий ему вид практик для заполнения освободившегося времени. И именно тут проявляется свобода выбора личности: чем занять то время, плотность которого в полной мере принадлежит ей самой, ее ценностям, ее предпочтениям, ее увлечениям и желаниям (конечно, не без учета технических возможностей и информационно-коммуникационной грамотности).

Список литературы

- 1 Гороховская Л. Г. «Посидим на дорожку»: транзитные практики ожидания [Электронный ресурс] // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2001. – № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/posidim-na-dorozhku-tranzitnye-praktiki-ozhidaniya> (дата обращения 15.04.2016).
- 2 Кундера М. Неспешность. Подлинность / Романы, пер. с фр. Ю. Стефанова. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 288 с.
- 3 Макогон Э. Р. Скука как экзистенциал культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01 – Ростов-на/Д., 1999. – 19 с.
- 4 Сведсен Л. Философия скуки. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 256 с.
- 5 Урри Д. Мобильности. – М.: Праксис, 2012. – 576 с.
- 6 Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
- 7 Филиппов, А. Ф. Парадоксальная мобильность [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2012. – № 5(50). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/paradoksalnaya-mobilnost> (дата обращения 03.03.2016).
- 8 Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. – Х., Фолио, 2003. – 503 с.
- 9 Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведения счетов. – Минск: Экономпресс, 2006. – 384 с.